

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Жан-Кристоф Гранже

Полет аистов

Багровые реки

Братство камня

Империя Волков

Присягнувшие Тьме

Мизерере

Лес мертвецов

Кайкен

Пассажир

Черная линия

ЖАН-КРИСТОФ
ГРАНЖЕ

**ПРИСЯГНУВШИЕ
ТЬМЕ**

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 77

Jean-Christophe Grangé
LE SERMENT DES LIMBES
Copyright © Editions Albin Michel S. A. — Paris 2007

Перевод с французского
Галины Леоновой, Александры Бряндинской

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-08160-4

© Г. А. Леонова, А. А. Бряндинская,
перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Лоранс и нашим детям

I

Матье

1

— Между жизнью и смертью.

Эрик Свендсен обожал изъясняться афоризмами, и за это я его ненавидел. Во всяком случае, сегодня. По-моему, судмедэксперт должен просто излагать факты — точно, строго по делу, и баста. Но швед не умел сдерживаться: он не говорил, а вещал, оттачивая каждую фразу...

— Очнется Люк с минуты на минуту, — сказал он. — Или не очнется никогда. Тело функционирует, но мозг практически умер. Он сейчас где-то между этим миром и тем.

Я сидел в холле отделения реанимации. Свендсен стоял спиной к окну.

— Где же это все-таки случилось? — спросил я.

— В его загородном доме, возле Шартра.

— А почему его привезли сюда?

— В Шартре его оставить не могли — там нет нужного оборудования для реанимации.

— Но почему именно сюда, в Отель-Дье?

— Они решили, что так будет лучше. В конце концов, Отель-Дье — это ведь госпиталь для легавых.

Я сжался в кресле. Ни дать ни взять олимпийский пловец, готовый к прыжку. Из-за двойных закрытых дверей просачивался запах антисептика, особенно тошнотворный в жаркой духоте помещения. В голове у меня теснились вопросы.

— Кто его нашел?

— Садовник. Углядел тело в реке, рядом с домом, и вытащил на берег. Это было в восемь утра. Хорошо еще, что там Служба спасения близко. Вовремя подоспели.

Я видел эту картину очень живо. Дом в Верне, лужайка, за ней поле, речушка с берегами, поросшими высокой травой, густой кустарник на границе участка. Сколько выходных я там провел...

И тогда я произнес слово, которого все избегали:

— Кто сказал, что это самоубийство?

— Ребята из Службы спасения. Они составляли протокол.

— А почему не несчастный случай?

— К телу был привязан груз.

Я поднял глаза. Свендсен развел руками в знак сожаления. На фоне окна его силуэт казался вырезанным из черной бумаги. Изящная фигура, курчавая шевелюра, круглая как шар.

— У Люка к поясу проволокой были прикручены куски строительных блоков. Наподобие спасательного пояса.

— Может, убийство?

— Брось, Мат. Тогда бы его нашли с тремя пулями в башке. А там никаких следов насилия. Он нырнул сам, и ничего с этим не поделаешь.

Я подумал о Вирджинии Вулф, которая бросилась в реку, насовав в карманы камней. Это было в Англии, в Сассексе. Свендсен был прав, и доказательством тому служило само место происхождения. Любой другой полицейский из уюловки пустил бы себе пулю в лоб из табельного оружия. Но Люк любил церемониал, символические места. Ферма в Верне, которую он с великими трудами выкупил, отремонтировал и обставил, как раз и была одним из таких мест. Настоящее святилище.

Судебный врач положил мне руку на плечо:

— Он не первый полицейский, который свел счеты с жизнью. Вы все ходите по краю пропасти...

Опять высокопарная болтовня: я ее уже не слушал. Вспомнил статистику: только за прошлый год во Франции застрелились почти сто полицейских. Похоже, в наши дни

самоубийство становится привычным способом завершить карьеру.

Мне показалось, что в коридоре стало еще темнее. Нестерпимо воняло эфиром, от жары было нечем дышать. Когда же я в последний раз разговаривал с Люком? Вот уже несколько месяцев, как мы и словом не перемолвились. Я посмотрел на Свендсена:

— А ты-то как тут оказался?

Он пожал плечами:

— Мне на набережную Рапе¹ принесли покойника. Громилу во время ограбления хватил удар. Парни, которые его привезли, как раз ехали из Отель-Дье. Они мне и рассказали про Люка. Я все бросил и примчался сюда. В конце концов, мои клиенты могут и подождать.

У меня в ушах эхом зазвучали слова Фуко, моего старшего помощника, позвонившего час назад: «Похоже, Люку крышка!» В голове застучало от боли.

Я внимательно оглядел Свендсена. Без белого халата он казался каким-то ненастоящим. Но это, конечно, был он: маленький крючковатый нос, очки в тонкой оправе, закошенные под пенсне. Врач мертвых. Что ему делать у постели Люка? Не к добру это!

Распахнулась двойная служебная дверь, и на пороге возникла коренастая фигура врача в помятой зеленой робе. Я сразу его узнал: Кристоф Буржуа, анестезиолог-реаниматолог. Два года назад он пытался спасти одного сутенера с шизоидными наклонностями, который во время облавы на улице Кюстин, в Восемнадцатом округе, открыл беспорядочную стрельбу. Он успел уложить двух полицейских, пока ему в спинной мозг не впиалась пуля 45-го калибра. Пулю выпустил я.

Я встал и шагнул ему навстречу. Он нахмурился:

— Мы знакомы?

— Матье Дюрей из уголовки. Дело Бенцани, март двухтысячного года. Отморозок с пулевым ранением, тут у вас и скончался. Потом мы еще раз виделись в суде, в Кретее. В прошлом году на заочном процессе...

¹ Институт судебной медицины.

Он махнул рукой, словно говоря: «Через меня их столько прошло...» У него были густые седые волосы, которые его совсем не старили, а наоборот, свидетельствовали о жизненной силе и добавляли ему привлекательности. Он бросил беглый взгляд на дверь реанимации.

— Вы насчет полицейского в коме?

— Люк Субейра — мой лучший друг.

Он сморщился, как будто услышал еще одну дурную новость.

— Он выкарабкается?

Врач возился с завязками робы, закрепленными на спине.

— Чудо уже то, что у него заработало сердце, — вздохнул он. — Когда его выловили, он был мертв.

— Вы хотите сказать...

— Клиническая смерть. Не будь вода такой холодной, мы ничего не могли бы сделать. А так организм находился в условиях гипотермии, что замедлило проникновение воды в ткани. Ребята из Шартра оказались на редкость находчивыми. Они попытались сделать невозможное — разогрели ему кровь. И это сработало. Настоящее воскрешение.

— Как вы сказали?

Свендсен, торчавший поблизости, тут же встрял в разговор:

— Я тебе объясню...

Я едва не сжег его взглядом. Врач посмотрел на часы:

— Мне правда надо идти...

И тут меня прорвало:

— За этими дверьми погибает мой лучший друг, и я хочу знать, что с ним!

— Прошу меня простить, — улыбнулся врач, — диагноз еще не до конца ясен. Мы проводим тесты, чтобы понять, насколько глубоко он погружен в кому.

— А физическое состояние?

— Жизнь к нему вернулась, но беда в том, что мы не можем его разбудить... И даже если он очнется, неизвестно, каким он станет. Все зависит от того, насколько по-

врежден мозг. Поймите, ваш друг вернулся с того света. Его мозг подвергся кислородному голоданию, что не могло не вызвать разрушений.

— Но ведь кома бывает разная?

— Да, вы правы. Есть вегетативное состояние, когда пациент реагирует на некоторые раздражители, и настоящая кома, то есть полное отключение. Похоже, ваш друг — где-то посередине. Вам лучше поговорить с Эриком Тюилье, он невропатолог. — (Я записал имя в блокнот.) — Это он сейчас проводит тесты. Договоритесь с ним о встрече на завтра. — Он снова взглянул на часы и добавил уже тише: — И вот еще что... Я не стал спрашивать у его жены, но... Ваш друг принимал наркотики?

— Конечно нет! С чего вы взяли?

— На сгибе локтя у него следы от уколов.

— Может, ему кололи какое-то лекарство?

— Жена говорит, что нет. Она в этом совершенно уверена.

Врач наконец снял с себя робу и протянул мне руку:

— Мне действительно пора идти. Меня ждут в другом отделении.

Я пожал ему руку в ответ, и тут двери снова раскрылись. На пороге стояла Лора, жена Люка, в бумажном халате и надвинутой на лоб медицинской шапочке. Она пыталась сделать шаг, но ноги ее не держали. Я бросился к ней. Она резко отстранилась, словно испугавшись — то ли моего голоса, то ли одного моего вида. Она посмотрела на меня холодным и ничего не выражающим взглядом.

— Лора! Если тебе что-нибудь нужно, ты только скажи...

Она отрицательно качнула головой. Лора никогда не была красавицей, а сейчас и вовсе напоминала привидение.

— Вчера вечером, — торопливо заговорила она, — он сказал, чтобы мы уезжали без него. А он пока останется в Верне. Не знаю, что там случилось... Ничего не знаю...

Ее шепот перешел в бессвязное бормотание. Мне хотелось ее обнять, успокоить, но я не мог решиться на по-

добную фамильярность. Ни теперь, ни раньше. На всякий случай я сказал:

— Он выкарабкается, я уверен. Мы...

Она смерила меня ледяным взглядом. Глаза ее враждебно сверкнули.

— Это все ваша работа! Ваша гребаная работа!

— Не говори так. Это...

Я не успел договорить, потому что Лора разрыдалась. Мне снова захотелось ее утешить, и снова я не посмел к ней прикоснуться. Опустив глаза, я заметил, что под халатом на ней пальто, застегнутое вкривь и вкось. Я почувствовал, что и сам сейчас заплачу.

Она высморкалась и прошептала:

— Я пойду... Меня девочки ждут...

— Где они сейчас?

— В школе. Я их оставила на продленке.

В ушах у меня шумело, наши с Лорой голоса звучали как сквозь вату.

— Отвезти тебя?

— Я на машине.

Она снова принялась сморкаться, а я все никак не мог отвести от нее взгляда. Выступающие, как у кролика, передние зубы, узкое лицо в обрамлении подернутых седой кудряшек, похожих на пейсы раввина. В памяти невольно всплыли слова Люка, одна из тех циничных фраз, на которые он был мастер: «Женитьба? Этот вопрос следует решить как можно скорее, чтобы больше о нем не думать». Именно так он и сделал: «импортировал» эту девицу откуда-то из Пиренеев, где они оба родились, и по-быстрому сделал ей двух детей. Не зная, что еще сказать, я пробормотал:

— Я тебе вечером позвоню.

Она кивнула и направилась к вестибюлю. Я обернулся: анестезиолог уже ушел. Только Свендсен по-прежнему торчал здесь — вездесущий Свендсен. На скамье валялся брошенный врачом халат. Я взял его.

— Пойду к Люку.

— Брось, не валяй дурака! — Он решительно схватил меня за руку. — Ты же слышал — врач сказал, что они проводят тесты.

Я с раздражением выдернул руку, а он все бубнил, стараясь меня вразумить:

— Приходи завтра, Мат, так будет лучше для всех.

Во мне поднялась волна бессильного гнева. Свендсен был прав. Пусть врачи делают свое дело. Чем я могу помочь человеку, утыканному зондами и капельницами?

Я кивком попрощался с судебным экспертом и стал спускаться по лестнице. Головная боль немного отступила. Я поймал себя на том, что ноги сами несут меня к тюремной больнице, куда свозят пострадавших с подозрительными ранениями и наркоманов в ломке. Я остановился, внезапно испугавшись, что могу столкнуться с каким-нибудь знакомым полицейским. Не в том я был состоянии, чтобы выслушивать жалобные причитания или слова сочувствия.

Я повернул к залу центрального выхода. На пороге вынул сигарету из пачки «Кэмел» без фильтра, щелкнул своей любимой зипповской зажигалкой и глубоко затянулся.

Глаза наткнулись на надпись на пачке: «Курение может привести к медленной и мучительной смерти». Прислонившись спиной к решетке, я сделал несколько затяжек, а потом повернул налево и двинулся к святой святой моей жизни: набережной Орфевр, 36.

И тут я неожиданно передумал. Свернул направо, к другому месту, игравшему в моей судьбе такую же важную роль.

Я пошел в собор Нотр-Дам.

2

Уже от самой паперти начинались таблички: «Остерегайтесь карманников!», «В целях безопасности...», «Проклад с багажом запрещен», «Соблюдайте тишину!»... И все же, несмотря на толпу, несмотря на то, что уединиться

здесь было немыслимо, я всегда испытывал волнение, переступая порог Нотр-Дам. Работая локтями, я пробрался к мраморной кропильнице, смочил пальцы святой водой и склонил голову перед Пресвятой Девой. «USP-Para» 9-го калибра тихонько стучался о бедро. Я никогда не знал, что делать с табельным оружием. Можно ли приносить его в церковь? Сначала я прятал его под сиденье машины, но потом мне надоело каждый раз возвращаться за ним на Орфевр, 36. Думал было найти для него укромное местечко среди барельефов собора, но вскоре отказался от этой мысли — слишком опасно. В конце концов я решил, что пусть оскорбление святого места будет на моей совести. Разве крестоносцы оставляли мечи, когда входили в иерусалимский храм?

Я пошел по правому проходу вдоль рядов горящих свечей, миновал исповедальни с флажками, обозначающими языки, на которых говорили священники. С каждым шагом я обретал спокойствие, чему способствовал полумрак собора. Противоречивая громада: каменный корабль, плывущий в сумрачном потоке, и одновременно пронзительное совершенство и легкость, идущие от благоуханных испарений ладана, запаха воска и прохладного мрамора.

Я прошел мимо часовен Святого Франциска Ксаверия и Святой Женевиевы, альковов, закрытых для посетителей и занавешенных темными полотнами, мимо скульптур Жанны д'Арк и святой Терезы, обогнул очередь ожидающих причастия и поднялся на хоры в «свою» часовню — место, куда я приходил молиться каждый вечер.

Богоматерь Семи скорбей. Несколько едва освещенных скамеек, алтарь с фальшивыми свечами и церковная утварь. Я проскользнул направо за место для коленопреклонения, туда, где меня никто не увидит, закрыл глаза, и тут мне послышался голос:

— Смотри-ка, надо же так дрыхнуть!

Рядом со мной стоял Люк — четырнадцатилетний, худой и рыжий. А сам я был уже не в Нотр-Дам, а в часов-

не коллежа Сен-Мишель-де-Сез в окружении одноклассников. А Люк продолжал издеваться:

— Когда я стану священником, мои прихожане будут слушать проповедь стоя, как на рок-концерте!

Такое кощунство меня ошарашило. Надо сказать, в те годы я и так был отщепенцем среди мальчишек, считавших Закон Божий худшим из предметов, а тут этот парень заявил, что станет священником — священником от рок-н-ролла!

— Меня зовут Люк, — сказал он. — Люк Субейра. Говорят, ты прячешь под подушкой Библию и второго такого придурка не сыскать. Так вот, хочу, чтобы ты знал: второй такой придурок перед тобой — это я. — Он молитвенно сложил руки. — «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

Он протянул руку, и мы шлепнули друг друга по ладони.

Этот хлопок вернул меня к действительности. Я был в Нотр-Дам, в своем убежище, и дрожал как осиновый лист. Кругом холодный камень, плетеные скамеечки для молитв, деревянные скамьи... Я снова погрузился в прошлое.

В тот день я познакомился с самым оригинальным учеником в Сен-Мишель-де-Сез: задиристым и колким пустомелей, снедаемым пылкой верой. Это произошло в начале 1981/82 учебного года. К тому времени Люк уже два года учился в коллеже Сез и был в 3-м классе Б. Длинный и тощий, как и я, с резкими, порывистыми движениями. Помимо роста и веры нас объединяли имена апостолов. У него — евангелиста Луки, которого Данте называл «писцом», так как его Евангелие написано лучше других, а у меня — Матфея, мытаря, который везде сопровождал Христа и записывал каждое Его слово.

На этом заканчивалось то, что было между нами общего. Я родился в Париже в богатом квартале Семнадцатого округа. Люк Субейра был родом из Араса — крохотного селения в Пиренеях. Мой отец в шестидесятые годы сколотил состояние на рекламе. Люк был сыном Николя

Субейра, учителя, коммуниста и спелеолога-любителя, о котором поговаривали, что он месяцами исследует пещеры, — тремя годами ранее он навсегда остался в одной из них. Я был единственным ребенком в семье, где цинизм и снобизм были абсолютными ценностями. Пока Люк не перешел в интернат, он жил с матерью, мелкой служащей, христианкой и пьяницей, которая после смерти мужа покатила по наклонной плоскости.

Это что касается социального положения. Что до нашего положения в коллеже, оно тоже было разным. Меня отправили в Сен-Мишель-де-Сез, потому что это было католическое учебное заведение, одно из самых дорогих и престижных во Франции, к тому же расположенное далеко от Парижа. Никакого риска, что в выходные я сваюсь родителям на голову со своими мрачными идеями и мистическими кризисами. Люк учился в коллеже, потому что как сирота получал стипендию от иезуитов, которые над нами шефствовали.

И последнее, что нас объединяло: мы оба были одинокими в этом мире. Лишенные других привязанностей, достаточно взрослые, чтобы проводить в пустом коллеже бесконечные выходные. В эти долгие часы нам было о чем поговорить.

Нам нравилось рассказывать друг другу истории о том, как мы обрели Бога, по примеру Клоделя, уверовавшего в Нотр-Дам-де-Пари, или Блаженного Августина, на которого благодать снизошла в миланском саду. Со мной такое произошло на Рождество, когда мне было шесть лет. Я рассматривал под елкой подаренные мне игрушки и буквально провалился в космическую расселину. Сжимая в руках красный грузовичок, я вдруг обнаружил за каждой вещью, за каждым предметом обстановки безмерную, невидимую до этого момента реальность. Прореха в завесе обычной реальности, за которой скрывалась тайна... и зов. Я догадывался, что в этой тайне сокрыта истина, хотя и не представлял себе какая. Я стоял в самом начале пути, и мои вопросы уже несли в себе ответы.

Позже я прочитал у Блаженного Августина: «Вера вопрошает, разум обнаруживает...»

Моему откровению противостояло откровение Люка — яркое и зрелищное. Он уверял, что своими глазами узрел всемогущество Господа, когда ходил с отцом в горы на поиски пещер. Это было в 78-м, ему тогда исполнилось одиннадцать. В отсвете на скале он увидел лик Божий, и ему открылось истинное устройство мира. Господь был везде: в каждом камне, в каждой травинке, в каждом дуновении ветра. Таким образом, каждая, самая мельчайшая частица несла в себе целое. Люк никогда не изменял этим своим убеждениям.

В Сен-Мишель-де-Сез наше рвение расцвело пышным цветом, приподнятое у моего друга, минорное у меня. И не потому, что школа была католической, напротив, мы ни во что не ставили своих учителей, считали их погрязшими в слащавой иезуитской вере. Причина заключалась в том, что здания пансиона стояли под горой, на которой располагалось цистерцианское аббатство.

Там, наверху, и были места наших встреч. Одно из них — у подножия колокольни, откуда открывался прекрасный вид на долину. Еще мы любили встречаться под сводами монастыря, рядом со статуями апостолов. Под сенью изъеденных временем ликов святого Иакова с посохом паломника и святого Матфея с топориком мы перedelывали мир. Молитвенный мир!

Прислонившись спиной к колоннам и гася окурки в жестяной банке из-под сока, мы вспоминали наших героев: первых мучеников, что брели по дорогам, неся людям слово Божье, и заканчивали жизнь на языческих аренах, а также Блаженного Августина, Фому Аквинского, Хуана де ла Круса... Мы представляли себя рыцарями веры, богословами, крестоносцами современности, революционерами, взрывающими каноны, изгоняющими пергаментных кардиналов из Ватикана, находящими новые необычные решения, чтобы обращать в христианство все новых людей по всему миру.

В то время как другие воспитанники устраивали вылазки в дортуары к девочкам и слушали «Клэш» на плеерах, мы до хрипоты спорили о таинстве причастия, о текстах Аристотеля и святого Фомы Аквинского, которые изучали в оригинале, долго и всерьез обсуждали II Ватиканский собор, казавшийся нам совсем недавним. Я все еще ощущал запах скошенной во внутреннем дворе травы, чувствовал, какой была на ощупь смятая пачка «Голуаз», слышал наши ломающиеся голоса, которые то и дело давали петуха, вызывая взрыв хохота. Наши собрания всегда заканчивались словами из «Дневника сельского священника» Бернаноса: «Что с того? Все — благодать»¹. И этим все было сказано.

Звуки органа вернули меня к действительности. Я посмотрел на часы: 17.45. Начиналась вечерня. Я стянул оцепенение и встал. Резкая боль буквально согнула меня пополам при мысли о том, что произошло: Люк между жизнью и смертью, само-убийство — синоним безысходности и отчаяния.

Я снова пустился в путь, спотыкаясь на каждом шагу и прижимая руку к левому боку. Серый плащ болтался на мне, и в реальности меня удерживали лишь стиснутые на животе руки и «USP Heckler&Koch», который уже давно сменил у меня на поясе табельный «manhurin». Я был полицейским-призраком, и моя тень вилась передо мной по проходу, сливаясь с белыми сетками, скрывающими леса реставрируемых хоров.

На улице я испытал новое потрясение. Не от резкого дневного света после полумрака — то было еще одно воспоминание, кинжалом пронзившее меня: бледная физиономия Люка, заливающегося смехом, его рыжая шевелюра, нос с горбинкой, тонкие губы и большие серые глаза, блестящие, как лужи после дождя.

В этот момент меня осенило.

Сегодня я упустил самое главное. Люк Субейра не мог покончить с собой. А ведь все было так просто: стой-

¹ Пер. Л. Зониной.

кий, убежденный католик не убивает себя. Жизнь — это дар Божий, и никто не вправе распоряжаться ею по своему усмотрению.

З

Уголовная полиция, набережная Орфевр, дом 36. Длинные коридоры, темно-серый пол, электрические провода, закрепленные на потолке, кабинеты в мансардах под самой крышей. Ничего этого я не видел, потому что продвигался как сквозь студень. Здесь не было даже привычного запаха табака и пота, чтобы привлечь мое внимание.

Но при этом меня не покидало смутное ощущение мерзкой сырости, словно я двигался внутри живого организма в стадии распада. Конечно, то была чистая галлюцинация, связанная с моим африканским прошлым, когда я приобрел привычку воспринимать твердые тела искаженно — как существа из плоти и крови...

Сквозь щели в неплотно прикрытых дверях я ловил сочувственные взгляды — все уже были в курсе. Я ускори́л шаг, чтобы не обсуждать подробности случившегося с Люком и не повторять банальностей о безысходности нашей работы. Забрав почту, скопившуюся в моей ячейке, я вошел в свой кабинет и быстро закрыл дверь.

Взгляды коллег вызывали у меня предчувствие того, как будут развиваться события. Все станут задаваться вопросами о том, что случилось с Люком. Начнется расследование. Подключатся «быки». Предпочтение, конечно, отдадут версии о депрессии, но парни из Службы собственной безопасности перетряхнут всю жизнь Люка, проверят, не играл ли он, не было ли у него долгов, не имел ли подозрительных делишек, не был ли слишком связан со своими информаторами. Обычное дело: результатов никаких, но все изгажено.

Тошнило и хотелось спать. Я снял дождевик и остался в пиджаке, несмотря на жару. Приятно было ощущать ласковое прикосновение его шелковой подкладки. Слов-

но вторая кожа. Я уселся в кресло и окинул взглядом свою третью кожу — рабочий кабинет. Пять квадратных метров без окон и горы папок, высившиеся почти до самого потолка.

Мой взгляд упал на стопку бумаг, над которыми я работал в настоящее время: протоколы допросов, распечатки телефонных звонков и выписки из банковских счетов подозреваемых, ордера, которые мне в конце концов выдавали судьи. И еще обзор криминальной прессы, который день и ночь спускали из кабинетов Министерства внутренних дел, а также телеграммы, содержащие резюме наиболее важных событий, произошедших в районе Иль-де-Франс. Привычный поток грязи. Поверх всего — наклейки, оставленные моими лейтенантами, с информацией об удачах и провалах прошедшего дня.

Тошнота усиливалась. Я не стал прослушивать оставленные мне сообщения ни на мобильном, ни на городском телефоне, а связался с жандармерией Ножен-ле-Ротру, ближайшего к Верне города, и попросил соединить меня с капитаном, который руководил спасением Люка. Тот подтвердил все, что сообщил мне Свендсен. Тело с привязанным грузом, срочная транспортировка, воскрешение.

Я положил трубку, похлопал по карманам. Нашел сигареты, вынул одну, взял зажигалку и, продолжая размышлять, стал смаковать ритуал прикуривания. Мягко шуршащая пачка, издающая восточный аромат; запах смешивается с парами бензина из зажигалки «Зиппо»; на пальцах, как крупинки золота, табачные крошки. И вот наконец глоток обжигающего дыма где-то глубоко в легких...

Шесть часов вечера. Пора приступить к разбору документов. Наклейки. Слова солидарности: «Мы с тобой. Франк», «Еще ничего не потеряно. Жиль», «Как раз сейчас и надо держаться! Филипп». Эти послания я отложил в сторону и только потом принялся за работу: подсчитал плюсы и минусы этого дня. Фуко сообщал мне, что Управление судебной полиции Луи-Блан отказалось передать нам дело по трупам с ножевыми ранениями, найденному

недалеко от станции «Сталинград». Возможно, сводили счета наркодилеры, за которыми мы вот уже месяц следили у себя в районе Виллет. Отказ меня не удивил: вечная конкуренция между судебной и уголовной полицией. Каждый занимался своим делом и хорошо стерег свои трупы.

Следующее сообщение было более интересным. Две недели назад мой давний приятель, работающий теперь в Управлении судебной полиции Сержи-Понтуаз, попросил у меня совета по поводу одного убийства: женщина пятидесяти девяти лет, косметолог, убита на парковке. Шестнадцать резаных ударов. Ничего не украдено, следов насилия нет. И ни одного свидетеля. При составлении протокола была выдвинута версия о личных мотивах убийства, позже — о действиях маньяка, и все зашло в тупик.

Разглядывая фотографии жертвы, я заметил некоторые детали. Судя по углу, под которым были нанесены удары, можно предположить, что убийца одного роста с жертвой, то есть скорее невысокий. Орудие убийства тоже было необычным — старомодный нож для капусты, какой сейчас можно найти разве что на блошином рынке. Такое оружие могло принадлежать убийце-женщине. Скажем, проститутки при разборках используют именно такое оружие, способное изуродовать лицо, мужчины же чаще всего действуют ножом и бьют в живот.

В данном случае удары были нанесены в основном в лицо, грудь и в низ живота. Убийца старался поразить те места, которые обозначали половую принадлежность. Особенно он потрудился над лицом, обрезав нос, губы и выколов глаза. Лишая жертву лица, убийца, видимо, был заиклен на своем изображении, как если бы разбивал зеркало. Я также отметил отсутствие ран, полученных при попытках защитить себя: косметолог не ждала нападения, она знала убийцу. Я спросил у коллеги из Сержи, не было ли у погибшей дочери или сестры. Мой приятель пообещал еще раз расспросить семью. В факсе, который он прислал, говорилось: «Дочь созналась!»

Я отложил в сторону распечатки телефонных звонков и выписки из банковских счетов, потому что не мог сосредоточиться, чтобы разобраться в них, и взял другую пачку только что распечатанных документов: подробный отчет о месте преступления, где я не побывал накануне. Протокол вел Мейер из моей группы, который был у нас вроде писателя. Дипломированный филолог, он тщательно редактировал свои донесения и мастерски описал место преступления.

Я живо представил все, что тогда произошло. Район Ле-Пере, позавчера, в полдень. Во время обеденного перерыва один или несколько налетчиков ворвались в ювелирный магазин, и менеджер не успела вовремя нажать тревожную кнопку. Они взяли выручку, драгоценности — и женщину. На следующее утро ее нашли убитой в лесу на берегу Марны. Тело было наполовину засыпано землей. Вот это место и описывал Мейер: тело, едва присыпанное землей и прелыми листьями, и туфли жертвы, стоящие сбоку перпендикулярно захоронению. Что означали эти туфли?

У меня в памяти всплыло одно воспоминание. В эпоху моих гуманитарных устремлений, перед самым отъездом в Африку, я исколесил на автобусе все северное предместье, раздавая еду, одежду и всячески помогая бездомным семьям, которые жили под мостами кольцевых бульваров. Как раз в это время я изучал культуру цыган. Под внешней безалаберностью я обнаружил очень хорошо организованный мирок, который следовал строгим жизненным правилам, особенно в вопросах любви и смерти. Меня поразило, что при погребении они выполняли тот же ритуал: перед тем как предать тело земле, цыгане снимали с него обувь и ставили рядом с могилой. Зачем? Теперь я уже не помнил, но схожесть обрядов заслуживала того, чтобы разобраться.

Я схватил трубку и набрал номер Маласпе, самого хладнокровного и молчаливого из моих сотрудников, — он единственный, я был уверен, не заведет речь о Люке.

Без предисловий я велел ему разыскать специалиста по цыганам и выяснить все об их погребальных ритуалах. Если мои подозрения подтвердятся, то преступника придется искать среди цыганских общин этого округа. Маласпе сказал, что все понял, и положил трубку, как я и ожидал, без единого лишнего слова.

Я снова вернулся к бумагам. Безрезультатно — сосредоточиться мне больше не удалось. Отложив протоколы, я стал разглядывать образовавшуюся в кабинете свалку: стены, заставленные папками с нераскрытыми делами, которые на языке полицейских называются висяками. Дела прошлых лет, которые я отказывался отправить в архив. Кроме меня, в уголовке не было другого следователя, который хранил бы подобные документы: я был единственным, кто продлевал сроки — десять лет для насильственных преступлений, проводя время от времени допросы и обнаруживая новые факты. На верху одной из стопок я заметил фотографию девочки, Сесилии Блок, обгоревшее тело которой было найдено в 1984 году в нескольких километрах от Сен-Мишель-де-Сез. Виновного так и не нашли — единственной зацепкой были аэрозольные снаряды, которыми воспользовались, чтобы сжечь тело. Когда я еще был воспитанником пансиона в Сесе, меня потрясли обстоятельства этого дела. Не давал покоя вопрос: убийца сжег малютку живой или сначала убил? Когда я стал полицейским, я снова поднял это дело, съездил на место происшествия, расспросил жандармов и местных жителей — все без толку.

Фотография другой девочки была прикреплена кнопкой к стене. Ингрид Корален, сирота, теперь ей двенадцать, и росла она то в одной семье, то в другой. К смерти родителей этой девочки в 1996 году я имел косвенное отношение и с тех пор анонимно посылал ей деньги.

Сесилия Блок и Ингрид Корален.

Мои родные призраки, моя единственная семья...

Я стряхнул с себя воспоминания и посмотрел на часы. Почти восемь вечера — пора действовать. Я поднялся

на один этаж, набрал код доступа наркотдела, прошел по коридору, повернул направо и очутился в свободном пространстве следственной группы Люка. Ни души. Надо думать, они все собрались где-то в городе — может быть, где-нибудь в пивной, чтобы спокойно пропустить по стаканчику. В команде Люка были самые крутые парни из всех, кто работал на набережной Орфевр, и я мысленно пожелал удачи ребятам из Службы безопасности, которые будут их допрашивать. Из них ни слова не вытянешь.

Не останавливаясь, я дошел до двери Люка, предвзительно бросив взгляд на соседние кабинеты: никого. Повернул ручку — заперто. Я вынул из кармана связку отмычек, в несколько секунд бесшумно открыл замок и проник внутрь.

В кабинете Люка было прибрано. На столе — ни бумажки. На стенах — ни одной фотографии разыскиваемого преступника. На полу — ни одного незаконченного дела. Именно так и поступил бы Люк, если бы хотел уйти из жизни. Пристрастие к секретности — один из ключей к его личности.

Несколько секунд я стоял неподвижно, давая месту раскрыться. Берлога Люка была не больше моей, но здесь было окно. Я обошел письменный стол, сделанный в тридцатые годы и купленный Люком в комиссионке, и подошел к пробковому щиту, висящему за креслом. Там все еще были прикреплены несколько фотографий. Не рабочие, а самые обычные снимки: восьмилетней Камиллы и шестилетней Амандины. В сумраке кабинета их улыбки плыли по глянцевой бумаге, как по глади озера. Там же были детские рисунки — феи, домик, в котором жила их семья, «папа» с огромным пистолетом, преследующий торговцев наркотиками. Я прикоснулся к рисункам и прошептал: «Что же ты натворил? Что же ты, черт побери, наделал?»

Один за другим я стал открывать ящики письменного стола. В первом валялись разные мелочи, наручники, Библия, во втором и в третьем — текущие и закрытые де-

ла, безукоризненные отчеты, «вылизанные» служебные записи. Люк никогда не держал рабочие материалы в таком безупречном виде. Казалось, передо мной реклама: образцовый рабочий кабинет.

Я остановился перед компьютером. Найти в нем что-то сенсационное шансов не было, это я понимал, но хотел лишний раз убедиться. Машинально нажал на пробел — экран засветился. Я схватил мышь и щелкнул на одной из иконок. Программа запросила пароль доступа. Я набрал наугад дату рождения Люка. Отказ. Тогда я ввел имена Камиллы и Амандины. Два отказа один за другим. Я уже собирался попробовать четвертый вариант, когда в комнате вспыхнул свет.

— Что, черт возьми, ты тут делаешь?

На пороге стоял Патрик Дусе по прозвищу Дуду, второй человек в группе после Люка. Он сделал шаг и повторил:

— Какого дьявола ты ищешь в этом кабинете?

Его голос со свистом прорывался сквозь сжатые зубы. У меня перехватило дыхание, я утратил дар речи. Дуду был самым опасным из всей команды. Сорвиголова без тормозов, любитель амфетамина, который начинал в отделе по борьбе с проституцией и сводничеством и обожал облавы. Тридцать лет, облик больного ангела, квадратные плечи качка обтянуты потертой кожаной курткой. Волосы, коротко остриженные по бокам и длинные на затылке. Особый изыск: на правом виске выбриты три зубца.

Дуду указал на светящийся экран компьютера:

— Что, опять роешься в дерьме?

— Почему в дерьме?

Он не ответил. От злости его буквально трясло. Под распахнутой курткой виднелась рукоять «Глока-21» 45-го калибра — табельного оружия наркотдела.

— От тебя несет спиртным, — заметил я.

Полицейский шагнул вперед. У меня похолодело внутри, и я отступил.

— А что, у меня нет повода выпить?

Гранже Ж.-К.

Г 77 Присягнувшие Тьме : роман / Жан-Кристоф Гранже ; пер. с фр. Г. Леоновой, А. Бряндинской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 704 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-08160-4

Матье Дюрей, сотрудник уголовной полиции Парижа, узнает, что его лучший друг Люк Субейра, тоже работающий в полиции, пытался покончить с собой. Вскоре Дюрей выясняет, что Люк тайно расследовал цепочку убийств, совершенных в разных концах Европы. Все эти преступления схожи друг с другом, мало того, их объединяет одинаковая сатанинская символика. Шаг за шагом Дюрей приближается к страшной истине: преступники служат дьяволу, вернувшему их к жизни.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ
ПРИСЯГНУВШИЕ ТЬМЕ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.03.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 31,02. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MBD-16165-08-R